

Российская империя на Кавказе

Создание жандармских учреждений на Кавказе в конце 1820-х – начале 1840-х гг.

Григорий Бибииков

The establishment of gendarmerie institutions in the Caucasus (1827–1844)

Grigory Bibikov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.7868/S0869568718030123

Организация жандармского надзора на Кавказе, хотя и затрагивалась уже в ряде работ¹, до сих пор не получила детального освещения и не становилась предметом специального исследования. В полной мере это относится и к начальному её этапу – от создания Корпуса жандармов в 1827 г. до учреждения наместничества на Кавказе в 1844 г. Между тем без рассмотрения особенностей данного периода трудно понять специфику последующей деятельности тайной полиции в регионе.

Основным звеном высшей полиции после её реорганизации в 1826–1827 гг. стали III отделение Собственной е.и.в. канцелярии и придававшийся ему Корпус жандармов. По «Положению о Корпусе жандармов» 1827 г. Европейская часть России была поделена на пять жандармских округов с управлениями в Петербурге, Москве, Симбирске, Вильно и Полтаве. Главный начальник III отделения генерал А.Х. Бенкендорф был назначен шефом жандармов и командующим Императорской Главной квартирой. С 1839 г. генерал-майор Л.В. Дубельт одновременно занимал должности управляющего III отделением и начальника штаба Корпуса жандармов.

По проекту первого шефа жандармов в каждую губернию были определены жандармские штаб-офицеры. В своей служебной деятельности они были независимы от губернатора и других местных властей, но не имели права вмешиваться в их деятельность, наводить справки в присутственных местах и принимать письменные жалобы подданных. В подчинении штаб-офицеров состояли жандармские команды, выполнявшие задачи общей (земской) полиции. Начальники жандармских округов координировали отношения между III отделением и находившимися в губерниях штаб-офицерами, которые отслеживали общественные настроения, толки и слухи, надзирали за деятельностью чиновников и общим состоянием дел. Эти сведения позволяли шефу жандармов – одному из

© 2018 г. Г.Н. Бибииков

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских учёных, проект № МК-257.2017.6.

¹ *Алексеев Д.А.* О поездке подполковника Корпуса жандармов А.Н. Кушинникова на Кавказ в 1841 г. по новым материалам // Вопросы биографии М.Ю. Лермонтова. 2007. № 2. С. 106–121; *Бродникова М.Н.* Формирование и деятельность органов политической полиции России во второй четверти XIX – начале XX вв. (на материалах Ставрополя и Терека). Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. См. также: *Бибииков Г.Н.* А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 195–202.

ближайших доверенных лиц императора — оказывать влияние на перестановки в губернской администрации и вмешиваться в кадровую политику министерств².

Организация жандармских управлений на окраинах имела свою специфику, определявшуюся, в первую очередь, местными особенностями. Западный край, остзейские губернии и Великое княжество Финляндское по «Положению» 1827 г. вошли в состав жандармских округов. В Сибири соответствующие структуры были учреждены в 1833 г. Создание III округа Корпуса жандармов в Царстве Польском растянулось с 1832 до 1843 г., когда он был подчинён наместнику в Варшаве. Не меньшим своеобразием отличалось и появление данного ведомства на Кавказе.

К началу 1830-х гг., после длительных войн с Персией и Турцией, сложились устойчивые границы Российской империи в Закавказье. Однако административное устройство края оставляло желать лучшего. В Петербурге то стремились к его унификации и введению на сравнительно недавно присоединённых территориях общих губернских учреждений, то признавали необходимым сохранение известной автономии, традиционных институтов местного самоуправления и судопроизводства. Как отмечает современный исследователь, удалённость от столиц и непрекращающиеся военные действия «требовали от региональной администрации такой оперативности, которая не могла быть обеспечена в рамках существовавшей во внутренних губерниях административной системы. В силу этого кавказская администрация традиционно наделялась особыми полномочиями, что влекло за собой формирование особого порядка её взаимодействия с центральными государственными органами»³. Во второй четверти XIX в. это выразилось в наделении командующего Отдельным Кавказским корпусом широкими полномочиями в сфере гражданского управления и в образовании в Петербурге Комитета по делам Закавказского края, временного VI отделения Собственной е.и.в. канцелярии, а с 1845 г. — Кавказского комитета.

Жандармы действовали на Кавказе с 1817 г., когда были сформированы городские жандармские команды в Тифлисе и Георгиевске. В 1827 г. Кавказ был включён в состав V (Полтавского) округа Корпуса жандармов, а управления жандармских штаб-офицеров размещались в Тифлисе и Ставрополе (куда в 1825 г. перевели команду из Георгиевска). Пост в Тифлисе до марта 1829 г. оставался вакантным, а выбор штаб-офицера шеф жандармов предоставил командующему Отдельным Кавказским корпусом и главноуправляющему в Грузии генерал-адъютанту гр. И.Ф. Паскевичу-Эриванскому.

Пользуясь исключительным доверием императора, Паскевич сосредоточил в своих руках все нити военного и гражданского управления на Кавказе. Победоносно завершив войну с Турцией в 1829 г., он приступил к подготовке административных реформ в Закавказье и тогда же в переписке с шефом жандармов высказался за создание в крае отдельной секретной полицейской службы. В июле 1830 г. по его просьбе в Тифлис был командирован состоявший при Бенкендорфе майор Ф.И. Кельчевский. Под руководством Паскевича он должен был

---

² См., в частности: *Ремнёв А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995; *Бикташева А.Н.* Кадровый контроль политической полиции над региональным чиновничеством: практики Казанской губернии 1826–1861 гг. // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2014. № 4. С. 110–114.

³ *Силаев Н.Ю.* Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 166.

составить проект Положения о тайной полиции в Закавказье. Бенкендорф рекомендовал его как офицера, который «имеет много опытности и ловкости во всех сего рода делах и имел счастье обратить на себя внимание государя императора». В одном из первых же донесений из Грузии Кельчевский сообщил, что Паскевич полагал неуместным подчинение жандармского штаб-офицера в Тифлисе начальству Полтавского округа: «Его светлость приказал мне написать или донести по приезду в Петербург его замечание, чтоб окружные начальники без ведома шефа не выдумывали требовать от своих штаб-офицеров сведений ни с чем не сообразных и неудобных к исполнению»⁴.

В начале 1831 г. Паскевич приступил к устройству полицейской части. «Здесь мы крепко принялись присматривать за иностранцами, — докладывал 12 февраля Кельчевский, — граф сделал нужные распоряжения... За некоторыми, по разным подозрениям и образу жизни, приставлен или так сказать учреждён секретный надзор». Через неделю майор делился своими надеждами на то, что «устраиваемая уже фрочная полиция (то есть хотя и в мундирах, но секретная) должна принести большую пользу». «Секретных агентов по приказанию графа отправляю и об них разведываю», — отчитывался он 3 апреля⁵. По примеру III отделения при канцелярии главноуправляющего был заведён алфавит на подозрительных лиц. В апреле 1831 г. Кельчевский информировал шефа жандармов о ревизии Закавказского края сенаторами гр. П.И. Кутайсовым и Е.И. Мечниковым, в ходе которой «они с собою не поладили и даже чиновники их разделились на две половины»⁶.

Ещё в декабре 1830 г. Паскевич уведомлял Бенкендорфа, что занимается с Кельчевским «проектом образования в здешнем крае секретной полиции»⁷, однако работа над ним затягивалась. 3 апреля 1831 г. Кельчевский писал дежурному штаб-офицеру Корпуса жандармов полковнику Дубельту, что «проект учреждения полиции здесь весьма необходимой у графа»⁸. Между тем 28 апреля Паскевич покинул Кавказ, ему предстояло возглавить войска, направлявшиеся для подавления восстания в Польше. Несколько дней спустя уехал в Петербург и Кельчевский. 23 мая, излагая свои наблюдения в письме к Бенкендорфу, Паскевич констатировал: «Обратив внимание на местные обстоятельства Закавказского края, характер обитающих в оном народов и намерения правительства к сохранению общего благосостояния, я признаю нужным учреждение в сём крае секретной военной полиции»⁹.

7 июля 1831 г., после всех согласований, Николай I утвердил проект «Образования секретной военной полиции в Кавказском крае». Он насчитывал 29 статей, в которых обращалось внимание на непрочность русской власти в Закавказье, недоверие коренных жителей присланным из Петербурга чиновникам, смешение местных и российских правовых норм. Начальнику секретной полиции в Тифлисе была присвоена должность военного полицмейстера Закавказского края. «Доводя обо всём до сведения шефа жандармов для общей связи по всей империи», он в то же время подчинялся главноуправляющему в Грузии,

⁴ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 3, д. 432, л. 6, 7 об.

⁵ Там же, л. 15, 18, 22 об.

⁶ Там же, л. 24.

⁷ Там же, л. 13.

⁸ Там же, л. 22 об.

⁹ Там же, оп. 6, д. 395, л. 1.

являясь к нему для ежедневного доклада¹⁰. По делам, связанным с негласным наблюдением, ему подчинялись коменданты, полицейские чины и гевальдигеры (офицеры, заведовавшие военной полицией) — начальники жандармских округов и губернские жандармские штаб-офицеры были лишены таких полномочий.

Пять штаб- и обер-офицеров назначались «для наблюдения по провинциям и областям: 1-го по Грузии, 2-го по Имеретии, Мингрелии, Гурии и Ахалцихской области, 3-го по Армянской области, 4-го в Мусульманских провинциях и 5-го по Дагестану»¹¹. В штат предполагалось принять офицеров Отдельного Кавказского корпуса с переводом их в Корпус жандармов. Штаб-офицеры в Ставрополе и Астрахани, оставаясь в подчинении начальника V жандармского округа, обязывались выполнять поручения военного полицмейстера и сообщать ему копии отчётов, посланных в III отделение. Проект предусматривал учреждение службы перлюстрации при полевом почт-директоре, причём в отличие от прочих перлюстрационных пунктов империи, выписки из писем доставлялись к главноуправляющему в Грузии, минуя III отделение. Формирования новых жандармских команд проект не предусматривал. Штатное содержание чинов секретной военной полиции обходилось казне в 16 тыс. руб., жалование офицерам отчислялось в экстраординарный капитал Отдельного Кавказского корпуса.

Служащие секретной полиции, как и губернские штаб-офицеры, должны были «иметь попечение об открытии... злоупотреблений и законопротивных поступков» и «внимательнее вникать в дух... народов»¹². Кроме того, им следовало «во время пребывания в местах расположения войск стараться между прочим проведать: нет ли в оных между офицерами каких-либо тайных обществ, или нет ли между ими вредных службе партий и интриг»¹³. При этом особо указывалось, что «обязанности и состав собственно секретной военной полиции никому не должны быть известны»¹⁴.

Паскевич рассчитывал создать широкую агентурную сеть «из разного сословия людей для разведывания и собирания сведений в провинциях, полках, высших судилищах, портах, таможах, карантинах при иностранных консулах, приезжающих от азиатских правителей, поверенных и вообще при всех иностранцах и прочих местах и лицах, где признано будет по обстоятельствам нужным». «Агенты сии, — полагал Иван Фёдорович, — могут быть полезны до тех только пор, пока не будут обнаружены. Они должны быть неизвестны даже помощникам военного полицмейстера»¹⁵. Характерно, что при управлениях жандармских округов агентурной сети не существовало; ни их начальники, ни штаб-офицеры в губерниях не получали на это дополнительных ассигнований. Впоследствии, при устройстве III округа Корпуса жандармов в Царстве Польском, между Паскевичем и Бенкендорфом возникнут из-за этого разногласия.

После отъезда Паскевича из Тифлиса широкие полномочия в области военного и гражданского управления в крае перешли к начальнику штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанту Н.П. Панкратьеву. В июле 1831 г. он стал добиваться увольнения тифлисского гражданского губернатора П.Д. Завилейского, уверяя министра внутренних дел гр. А.А. Закревского

¹⁰ Там же, л. 10 об.

¹¹ Там же, л. 11.

¹² Там же, л. 14 об.

¹³ Там же, л. 16.

¹⁴ Там же, ф. 110, оп. 2, д. 383, л. 3 об.

¹⁵ Там же, ф. 109, I экспедиция, оп. 6, д. 395, л. 11 об.

«в общем нерасположении к нему как чиновников, так и жителей высшего и среднего сословия» из-за слабых действий при появлении в городе холеры¹⁶. Затем, не дождавшись реакции министра, Панкратьев обратился с частным письмом (на французском языке) к Бенкендорфу, прося доложить о его мнении императору. На место Завилейского Панкратьев прочил кн. Н.О. Палавандова, пользовавшегося доверием Паскевича. Николай I запросил отзыв Закревского, но последний заявил, что Завилейский был утверждён губернатором в 1829 г. по личному ходатайству Паскевича, а ему самому «вовсе не известен». В 1832 г. Завилейский был всё же уволен и предан суду, но оправдан решением Сената. В 1833 г. Панкратьев, служивший уже в Варшаве при Паскевиче, добивался через Бенкендорфа повторного рассмотрения дела, сетуя на то, что «Шестой департамент Сената решением своим выставил меня в опубликованном указе доносителем несправедливым»¹⁷. К тому моменту за бывшим губернатором был учреждён тайный надзор: его подозревали в причастности к заговору грузинских дворян. Николай I повелел Бенкендорфу в обход кавказского начальства собрать дополнительные сведения, однако обвинения в злоупотреблениях вновь не подтвердились, и Завилейский продолжил службу в Министерстве финансов.

В сентябре 1831 г. в Тифлис прибыл новый главноуправляющий в Грузии и командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал от инфантерии барон Г.В. Розен, вскоре зарекомендовавший себя противником административных начинаний Паскевича. 5 ноября в одном из первых донесений из Тифлиса военному министру гр. А.И. Чернышёву Розен сообщил, что штаты секретной военной полиции попали в казённую экспедицию Верховного грузинского правительства¹⁸. Главноуправляющий недоумевал, почему «начальствующий здесь не может иметь настоящей секретной полиции вместо гласно секретной, состав которой будет каждому известен, а по сему уже одному... вовсе бесполезной»¹⁹. «Полиция сия, — полагал Розен, — может послужить больше ко вреду, нежели к пользе». Со своей стороны, он предлагал ограничиться назначением на Кавказ жандармского штаб-офицера, а со временем преобразовать секретную полицию на новых основаниях. «Относительно больших злоупотреблений, — утверждал Розен, — то сии не полициею, но непрерывным вниманием начальства могут истребиться, не иначе однакож, как постепенно. Относительно вольнодумства, то, благодаря Бога, здесь им не занимаются... Природные жители... о вольнодумстве не помышляют, ибо и значение сего слова им непонятно»²⁰.

Чернышёв, вероятно, доложил о донесении Розена Николаю I, и Бенкендорф поспешил разъяснить главноуправляющему мнение императора: «Секретная полиция не учреждена собственно для местных жителей вверенного Вам края, но более для тех беспокойных людей, которые по своему беспокойному и превратному образу мыслей в большом количестве определяются в командуемый Вами корпус и которые без строгого и тайного за ними надзора весьма легко могут распространять между молодыми людьми свои вредные правила». По словам шефа жандармов, «при учреждении сей полиции, конечно, не было намерения сделать

¹⁶ Там же, д. 528, л. 4.

¹⁷ Там же, л. 8, 20 об.

¹⁸ Верховное грузинское правительство было создано в 1801 г. в качестве совещательного органа при главнокомандующем в Грузии. В 1838 г. упразднено в связи с учреждением Совета главного управления Закавказского края.

¹⁹ ГА РФ, ф. 109, 1 экспедиция, оп. 6, д. 395, л. 33 об.

²⁰ Там же, л. 34 об.—35.

оную гласную, и... гласность ее произошла единственно от неосмотрительного распоряжения Министерства финансов», впредь же необходимая сумма будет «тайным образом отпускаема прямо из С.-Петербурга в виде особенной экстраординарной, в непосредственное распоряжение Вашего высокопревосходительства, и тем был бы дан вид, что действие секретной полиции не восприяло своего действия»²¹.

Следуя духу и букве проекта Паскевича, Бенкендорф предоставил выбор военного полицмейстера на усмотрение главноуправляющего, но оставлял за собой право его назначения. «Должен покорнейше просить Вас, — писал он Розену 22 апреля 1832 г., — чтобы Вы без предварительного сношения со мною не назначали решительно избранного Вами на сие место штаб-офицера, ибо в Корпус жандармов никто без ведома моего поступить не может»²². Розен склонялся к тому, что «должность полицмейстера по секретной военной полиции должна быть возложена на человека, который бы решительно не имел здесь ни с кем никаких связей, назначение коего было бы неожиданным для каждого»²³. Это вполне соответствовало практике назначения штаб-офицеров во внутренних губерниях России, но на Кавказе Бенкендорф считал целесообразным сделать исключение. «Место военного полицмейстера в Кавказском крае, — полагал он, — гораздо лучше занять может штаб-офицер, которому по пребыванию его в том крае оный уже известен и который бы пользовался в оном уважением и доверенностью жителей. Таковой штаб-офицер с самого вступления своего в звание полицмейстера может уже принести всю ту пользу, каковой от него ожидается, между тем как для человека нового, чуждого и краю, и жителям, много потребуется времени, чтоб ознакомиться с предметами, его наблюдению подлежащими»²⁴.

Бывшего киевского полицмейстера Ф. Дурова, предложенного Розеном, Бенкендорф охарактеризовал как «человека жития не воздержанного», не подходящего для жандармской службы. В итоге по выбору Розена в должности военного полицмейстера в октябре 1832 г. был утверждён майор Нижегородского драгунского полка И.А. Казасси. Его помощниками в июне 1833 г. назначены капитан Б.Ф. Гринфельд и прапорщик А.М. Гринфельд из того же полка, а также капитаны Грузинского гренадерского полка Л.А. Слинько и Ф.С. Ищенко. Кроме прапорщика, все они служили на Кавказе более 10 лет²⁵. Казасси и капитан Гринфельд принимали участие в войнах с Персией и Турцией, позже находились при Паскевиче, который, судя по письмам Кельчевского, планировал поручить им дела по секретной полиции²⁶.

Перед отправлением в губернии штаб-офицеры Корпуса жандармов проходили предварительное испытание при управлении в Петербурге. Казасси в конце 1832 г. также провёл два месяца в столице (вернулся в Тифлис 30 декабря). Помощников его вызывать не стали. «Принимая в уважение, что офицеры, избранные генерал-адъютантом бароном Розеном, должны быть ему короче известны чрез ближайших их начальников., — докладывал Бенкендорф Николаю I, — я предоставил генерал-адъютанту барону Розену выбор офицеров

²¹ Там же, л. 37 об.—38.

²² Там же, ф. 110, оп. 2, д. 201, л. 13.

²³ Там же, ф. 109, I экспедиция, оп. 6, д. 395, л. 47.

²⁴ Там же, ф. 110, оп. 2, д. 201, л. 13 об.—14.

²⁵ Там же, д. 406.

²⁶ Там же, ф. 109, I экспедиция, оп. 3, д. 432, л. 25 об.

в означенные должности по собственному его усмотрению, не присылая их ко мне в Санкт-Петербург для испытания»²⁷.

По предложению Бенкендорфа в январе 1833 г. Розен составил для Казасси секретную инструкцию. Она была пространнее той, которую получали губернские штаб-офицеры, и учитывала особенности службы на Кавказе. Военному полицмейстеру поручалось «безослабное наблюдение... за гражданскими чиновниками, военными офицерами и наказанными, присылаемыми сюда на службу, кои соделались уже известными или по прикосновенности их к какому-либо происшествию, или же за обнаруженное вольнодумство»²⁸. Ему следовало также «замечать поступки лиц, имеющих влияние на все высшие, средние и низкие сословия всех наций.., узнавать сколько можно положительнее, преданы ли они правительству или нет, иметь равномерное наблюдение за чиновниками, кои из видов корысти неправильным судом или другими стеснительными мерами могут, и сами не зная того, возбудить в жителях желание к каким-либо беспокойствам»²⁹. Этот пункт лишь отчасти перекликался с циркуляром Бенкендорфа, разосланным 2 февраля 1832 г. и обязывавшим губернских штаб-офицеров «обратить самое бдительное внимание на тех из господ чиновников.., которые своим званием или богатством, связями, умом, просвещением, или другими достоинствами имеют дурное или хорошее влияние на окружающих и даже на чиновников высшего звания»³⁰.

В соответствии с проектом Паскевича часть инструкции была посвящена секретным агентам. Военному полицмейстеру предстояло найти и «привязать к себе ещё несколько особых постоянных агентов из людей благонамеренных, умных, испытанной скромности и ни в каких пристрастиях и пороках не замеченных, но действующих по секретной полиции из желания быть полезными правительству»³¹. Ему также предписывалось «примечать за иностранцами, приезжающими в Закавказский край», иметь своих агентов за границей и между горами. «Там, где нет властей нашего правительства и где оные отдалённые, — отмечал Розен, — люди злоумышленные действуют с большею явностию и с меньшею осторожностью, и нередко кроющийся здесь источник зла может обнаруживаться чрез сведения, дошедшие из посторонних мест»³².

Инструкция, как и проект Паскевича, слабо регламентировала служебное положение военного полицмейстера и его взаимоотношения с местными властями. В июле 1833 г. Казасси запросил в управлении Корпуса жандармов новую инструкцию, поскольку согласно одобренному императором проекту Паскевича местные полицейские чины были обязаны выполнять требования военного полицмейстера, но это неизбежно лишало его должность секретного характера и вносило сумятицу. Однако из Петербурга ответили, что шеф жандармов «не находит возможности дать Вам инструкции к руководству при действиях по военной полиции Закавказского края и просит Вас обратиться к барону Григорию Владимировичу Розену с просьбою по сему предмету»³³. Но Розен и сам жаловался Бенкендорфу на то, что штаб-офицеры в Астрахани и Ставрополе не

²⁷ Там же, ф. 110, оп. 2, д. 201, л. 48–48 об.

²⁸ Там же, д. 383, л. 7 об.

²⁹ Там же, л. 8.

³⁰ Там же, ф. 109, I экспедиция, оп. 7, д. 494, л. 3–3 об.

³¹ Там же, ф. 110, оп. 2, д. 383, л. 6.

³² Там же, л. 8 об.

³³ Там же, л. 22–22 об.

подчинялись Казасси³⁴. Только в мае 1834 г. шеф жандармов приказал губернскому штаб-офицеру в Астрахани отправлять копии донесений в Тифлис.

Бумаги секретной военной полиции, по-видимому, были уничтожены во время ревизии архива штаба Корпуса жандармов в 1870 г. По сохранившейся «Описи секретным делам бывшего военного полицмейстера в Закавказском крае»³⁵, составленной в 1850 г., видно, что его подчинённые следили за иностранцами, чиновниками, сосланными на Кавказ офицерами, в канцелярии ежегодно формировались дела с донесениями из провинций, отвечали на запросы, поступавшие из управления корпуса в Петербурге.

Первые дела секретной военной полиции связаны с заговором среди грузинских дворян³⁶. III отделение не имело прямого отношения к его раскрытию в конце 1832 г., но включилось в расследование. В состав следственной комиссии, учреждённой в Москве, вошёл начальник II жандармского округа генерал-лейтенант С.И. Лесовский. Он лично допрашивал царевича Окропира, сына последнего грузинского царя Георгия XII, и в январе 1833 г. писал Бенкендорфу: «Невероятно, что сей человек мог быть столь злоумышленным заговорщиком. Он чрезмерно здраво судит о положении грузин, чтобы действовать даже в столь нелепом замысле; жизнь его здесь есть самая примерная, по большей части дома в кругу семейства»³⁷. В Петербурге в секретную комиссию для расследования заговора вошли два жандармских штаб-офицера, позже в Тифлис был командирован служивший по особым поручениям при шефе жандармов подполковник Я.Н. Озерцовский³⁸.

В январе 1833 г., сразу по возвращении из Петербурга, Казасси по распоряжению Розена отправился в Горийский уезд для проверки действий чиновников в Ахалцихе и выяснения «духа, образа мыслей горийских князей, дворян и поселян по случаю арестования нескольких из первых по участию в заговоре»³⁹. Тогда же Розен поручил военному полицмейстеру секретный надзор за грузинской царевной Тамарой Багратион⁴⁰. В ноябре 1833 г. с открытием в Тифлисе комиссии военного суда под председательством генерал-майора Д.Д. Ахлестышева Казасси стал её ассессором⁴¹.

В апреле 1835 г. до Николая I дошли слухи о «неблагонамеренном расположении» сосланного на Кавказ А.А. Бестужева (Марлинского), и император повелел «внезапным образом осмотреть все его вещи и бумаги»⁴². Бенкендорф передал это указание Розену, и 28 июля Казасси произвёл обыск на квартире Бестужева в Пятигорске, отобрав два письма К.А. Полевого. Перед отъездом, «на всякий случай, узнав, что в экспедиции прошлого года Бестужев, по склонности к обществу и по дарованиям своим, не был удаляем от круга офицеров», Казасси рекомендовал командирам Закубанского отряда «благовидными мерами... не допускать молодых офицеров... сближаться и иметь какие-либо сношения

³⁴ Там же, л. 28.

³⁵ Там же, ф. 1173, оп. 1, д. 6.

³⁶ См.: *Гозалишвили Г.К.* Заговор 1832 года. Т. I. Тбилиси, 1935.

³⁷ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 4, д. 355, ч. 1, л. 29.

³⁸ Там же, ч. 3, л. 17 и далее.

³⁹ Там же, л. 155.

⁴⁰ Там же, л. 131.

⁴¹ Там же, ч. 2, л. 68.

⁴² Акты собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 963.

с преступниками, одарёнными большею частью способностями и талантами»⁴³. Позже он осмотрел вещи Бестужева в Екатеринодаре, но Николай I распорядился прекратить расследование и возвратить Бестужеву отобранные бумаги.

Помимо донесений и отчётов о ряде схожих поручений, военный полицмейстер извещал III отделение о ходе боевых действий и о разных происшествиях. Более обстоятельные сведения о положении в крае шеф жандармов получал непосредственно от главноуправляющего, штаб-офицера в Ставрополе и командированных офицеров, доверенных лиц и агентов. Постоянной агентурной сети у III отделения на Кавказе не было. Известны лишь отдельные эпизоды, когда, например, в 1829 г. агент Бенкендорфа отслеживал появление царевича Окропира в Тифлисе⁴⁴, а в 1830 г. дворянин Аслан Атабеков был командирован с секретным поручением в Турцию (в 1833 г. его назначили переводчиком при управлении военного полицмейстера)⁴⁵.

В течение ряда лет III отделение пользовалось услугами майора И.О. Корганова (Карганова), служившего под «личным начальством» Паскевича, но в 1831 г. отчисленного из Кавказского корпуса⁴⁶. Корганов информировал Кельчевского, затем непосредственно Бенкендорфа, в 1832 г. состоял в переписке с начальником II округа Корпуса жандармов⁴⁷. В служебной записке III отделения в 1833 г. указывалось, что Корганов «был всегда развратного и гнусного поведения»⁴⁸, и от его услуг решено было отказаться. В 1837 г. он был выслан с Кавказа, однако в 1847 г. по ходатайству Паскевича ему позволили вернуться.

Другой корреспондент отслеживал общественные настроения и слухи в Тифлисе. В 1832 г. он подверг критике назначение гражданским губернатором кн. Палавандова, поскольку «большая часть князей, дворян и грузин его ненавидят»⁴⁹. Позже весьма нелицеприятно отзывался он и о Розене: «Главноуправляющий и губернатор к сокрытию истины и беспорядков, когда нужно, сами пишут и высказывают себя, сверх того заставляют жандармского подполковника Казасси и других сообщать в С.-Петербург всё то, что необходимо к упрочению их на настоящем месте и к уважению представлений, подкрепляемых им, бароном Розеном, почти всегда несправедливо, известными выражениями: по духу народа, по местным обстоятельствам, по влиянию народа и проч.»⁵⁰.

В апреле 1834 г. командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенант А.А. Вельяминов обратил внимание Бенкендорфа на то, что «некоторые из офицеров Кавказского корпуса, замешанных в заговоре 14-го декабря, бывают увольняемы на воды для лечений болезней или ран; и здесь могут встречаться с посетителями из внутренних губерний, между коими нередко найдут людей одинаковых с ними мнений». «Такие встречи, — предполагал Вельяминов, — вероятно, дадут повод либо к возобновлению старых связей, либо к порождению новых. Мне кажется, не бесполезно было бы иметь на минеральных водах во время курса чиновника, который пристально наблюдал бы в сём отношении образ мыслей каждого и связи людей, кои политическими мнениями

⁴³ Берже А.П. Кавказская старина. Пятигорск, 2011. С. 472.

⁴⁴ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 4, д. 355, ч. 1, л. 1–2.

⁴⁵ Там же, ф. 110, оп. 2, д. 406, л. 72–73.

⁴⁶ АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 514–515; Потто В.А. Кавказская война. Т. 5. М., 2007. С. 121.

⁴⁷ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 4, д. 355, ч. 1, л. 71.

⁴⁸ Там же, Секретный архив, оп. 3, д. 1155, л. 7.

⁴⁹ Там же, д. 1156, л. 1.

⁵⁰ Там же, л. 6 об.

своими могут обратить на себя внимание»⁵¹. Николай I поддержал эту инициативу, и 7 мая Чернышёв уведомил Бенкендорфа, что император «изволит находить нужным усугубить надзор за тишиной и порядком и вообще за поведением большого скопления приезжих в Пятигорске», назначив для этого «из подведомственных Вам чиновников самого надёжного и благоразумного штаб-офицера»⁵². С 1834 г. штаб-офицеры Корпуса жандармов ежегодно командировались на летний сезон в Пятигорск, где наблюдали за посетителями, составляли подробные ведомости приезжих, сверяя их со списками комендатуры⁵³. Назначения получали офицеры как из Ставрополя, так и из других губерний, совмещавшие службу с лечением. Один из них — служивший по особым поручениям при начальнике I округа Корпуса жандармов подполковник А.Н. Кушинников — летом 1841 г. сообщил в III отделение о последней дуэли М.Ю. Лермонтова⁵⁴. В 1835 г. Розен предложил сформировать в Пятигорске отдельную жандармскую команду, но высочайшего соизволения на это не последовало⁵⁵.

После смерти Казасси в июле 1837 г. его заменил подполковник Б.Ф. Гринфельд. В рапорте шефу жандармов он сетовал на недостаток средств, отсутствие агентуры и штатных переводчиков. «В России, — утверждал он, — почти каждый благомыслящий чиновник, дворянин или гражданин для общей пользы и спокойствия в силу принятой верноподданнической присяги готов по возможности содействовать благим намерениям жандармских штаб-офицеров. Азиатцы совсем иначе понимают общую пользу; они готовы ей содействовать, но не иначе как за деньги, и если кто из них решится о чём бы то ни было предварить без платы доверенного чиновника, то из десяти верно девять для того только, чтобы вредить или погубить своего врага или соперника, наговорив на него небывалых преступлений, ни мало не опасаясь за ложный донос наказания»⁵⁶.

27 сентября 1837 г. Николай I прибыл в крепость Редут-Кале на Черноморском побережье Кавказа. Розен выехал навстречу императору и сопровождал его в поездке по краю. Гринфельд оставался в Тифлисе, передавая главноуправляющему городские новости. «Вы изволите уже знать, — рапортовал он 24 сентября, — что подполковники: Арцруни, Иван Корганов и Аббас-Кули⁵⁷ завели между собою тесную связь и большую часть бывают неразлучны. Разговоры их и совещания имеют предметом особу Вашего высокопревосходительства, порицая все распоряжения Ваши, они теперь уже не скрывают своего неудовольствия... Все эти дразги и интриги хотя и заслуживают некоторого внимания, но козни эти обратятся на главы нечестивых: не менее того я не смел о том умолчать»⁵⁸. Между тем во время пребывания Николая I на Кавказе за многочисленные злоупотребления военному суду был предан командир Эриванского

⁵¹ Там же, ф. 110, оп. 2, д. 469, л. 10–10 об.

⁵² Там же, л. 1.

⁵³ Там же, ф. 109, I экспедиция, оп. 16, д. 311, л. 102.

⁵⁴ См.: *Алексеев Д.А.* Указ. соч.

⁵⁵ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 526.

⁵⁶ Там же, д. 714, л. 60–60 об.

⁵⁷ Начальник штаба Отдельного кавказского корпуса генерал-майор В.Д. Вольховский также сообщал Розену о деятельности Е.Г. Арцруни, И.О. Корганова и Аббас-кули-ага Бакиханова: «Здесь Корганов, Арцруни и, как говорят, к сожалению, Аббас-Кули, продолжают возбуждать недовольство против начальства или, лучше сказать, против Вашего высокопревосходительства, но сколь знаю, они мало находят сообщников. Я просил Гринфельда наблюдать за ними» (Современники о Бакиханове. Баку, 1959. С. 38).

⁵⁸ ОР РНБ, ф. 646, д. 119, л. 6 об.—8 об.

карабинерного полка флигель-адъютант кн. А.Л. Дадянов, женатый на дочери главноуправляющего. Розен вынужден был подать в отставку⁵⁹.

На его место был назначен генерал-лейтенант Е.А. Головин. И уже 2 ноября 1837 г., через несколько дней после возвращения Николая I в Петербург, Бенкендорф извещал своего начальника штаба генерал-майора Дубельта о том, что «государь император, проезжая Закавказский край, быв не доволен, между прочим, положением, на котором находятся там офицеры Корпуса жандармов, Высочайше повелеть соизволил: учредить в оном, по примеру прочих мест России, жандармское управление»⁶⁰. При этом царь собирался «назначить 4-х штаб-офицеров с адъютантами и поручить им: *первому* – Мингрелию, Ахалцих и Абхазию; *второму* – Грузию, *третьему* – берега Каспийского моря от Ленкорана до Дербента и Армянскую область, и *четвёртому* – Кавказскую линию»⁶¹. 11 ноября Дубельт представил Бенкендорфу четыре проекта Положения, предлагая включить в новый округ Землю Войска Донского, где, по словам сопровождавшего монарха в поездке по Кавказу генерал-адъютанта А.А. Кавелина, «существуют неимоверные злоупотребления, которые не искореняются именно по недостатку наблюдения за тем краем», а также направить штаб-офицера в Эривань, поскольку наблюдение дербентского штаб-офицера «по излишеству провинций... не будет довольно бдительно и основательно»⁶². Предложения Дубельта были отклонены, но Бенкендорф решил устроить новые управления в Кизляре и Шуше. 7 декабря 1837 г. Николай I утвердил проект «Положения о вновь учреждаемом округе Корпуса жандармов на Кавказе, в Закавказском крае и Астраханской губернии»⁶³. С его созданием жандармское ведомство охватило всю империю, за исключением Земли Войска Донского.

VI округ, включавший Закавказский край, Кавказскую область и Астраханскую губернию, состоял «в непосредственном ведении шефа жандармов». На него распространялись утверждённое 1 июля 1836 г. «Положение о Корпусе жандармов» и все постановления, «на основании коих состоят прочие округа сего же корпуса в России»⁶⁴. Штаб-офицеры с их адъютантами находились теперь не только в Ставрополе и Астрахани, но и в Тифлисе, Ахалцихе, Дербенте, Шуше и Кизляре⁶⁵. Подполковника Гринфельда перевели из Тифлиса в Ахалцих, служившего при нём майора Слинько послали в Шушу. В Тифлис был назначен бывший тульский губернский штаб-офицер подполковник В.М. Викторов, в Дербент – вызванный из Омска майор Сунцев. Адъютантами были определены преимущественно обер-офицеры из других регионов – Архангельска, Орла, Риги и Харькова. Жандармских команд при новых управлениях не учреждалось.

При этом штатное расписание Корпуса жандармов на Кавказе увеличилось всего на четырёх штаб-офицеров и четырёх обер-офицеров, а общее содержание округа составило 80 495 руб. 68 коп. (жалованье чинам в Закавказье выплачивалось по «Грузинскому положению»), включая 4 тыс. руб., которые ежегодно передавались в распоряжение начальника округа «на экстренные расходы»,

⁵⁹ См.: Берже А.П. Указ. соч. С. 262–286.

⁶⁰ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 714, л. 1.

⁶¹ Там же, л. 3–3 об. Здесь и далее курсивом в цитатах выделены подчёркивания в тексте документа.

⁶² Там же, л. 5–7.

⁶³ ПСЗ-И. Т. 12. Отд. 2. СПб., 1838. № 10779.

⁶⁴ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 714, л. 11 об.

⁶⁵ В 1841 г. штаб-офицер в Кизляре был одновременно назначен попечителем над прибывающими туда горцами (РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 424).

т.е. плату агентам⁶⁶. Окружное управление, находившееся в Тифлисе, состояло из штаб-офицера для особых поручений, адъютанта, секретаря и переводчика. В ноябре 1838 г. переводчики были добавлены и к штату управлений штаб-офицеров в Закавказье⁶⁷, чего ранее безуспешно добивался Розен. Секретная военная полиция упразднялась.

Начальником VI округа стал бывший чиновник МВД Александр Антонович Скалон, переименованный из действительного статского советника в генерал-майоры Корпуса жандармов. Получив образование в Харьковском университете, он участвовал в кампаниях 1812–1814 гг., а затем — в годы, когда Бенкендорф был начальником штаба Гвардейского корпуса, — служил в квартирмейстерской части и библиотеке Главного штаба. Одно время он входил в масонскую ложу «Соединённые друзья», которую ранее посещал Бенкендорф, и являлся членом Союза благоденствия. В 1826 г. его привлекли к следствию, но это было «Высочайше повелено оставить без внимания». В 1830–1836 гг. ему довелось служить комиссаром при разграничении Греческого государства и Турции⁶⁸.

1 февраля 1838 г. Бенкендорф изложил в письме к Скалону программу первоначальных действий. Главное внимание, по мнению шефа жандармов, следовало уделять сведениям о нарушениях прав местных жителей и другим злоупотреблениям. Скалону предстояло «кротостию и искренним участием к положению жителей Закавказского края приобрести их полную доверенность, показать им на опыте, что жандармы, в настоящем виде устроенные, более, нежели кто-нибудь, отвечают за всякий шаг, за всякое слово своё; что на них лежит самая великая ответственность за малейшее неправильное и недобросовестное действие; что жители встретят в них не своих преследователей, но поборников их прав и спокойствия». «Взирайте, — призывал Александр Христофорович, — Ваше превосходительство, на них как на людей, которые не имеют ещё понятия о том, каким образом могут они доводить до сведения высшего правительства делаемые им, иногда даже и вопиющие, несправедливости, и правотою Ваших действий укажите им тот путь, по которому они могут достигнуть до защиты, если их жалобы заключают в себе истины»⁶⁹.

Вскоре из VI округа в III отделение начали регулярно стекаться сведения о положении дел на Кавказе. Деятельность жандармских чинов в крае была весьма разнообразной. Так, сохранились записки о торгах на содержание почтовых станций, о Кавказской областной гимназии, о заседаниях Комитета для разбора и определения прав высшего сословия мусульманских обществ Закавказского края⁷⁰. В 1844 г., когда кабардинцы послали своих представителей в столицу, в III отделение поступил «Именной список депутатам, отправляющимся в Санкт-Петербург по Высочайшему соизволению с отметкою о мере преданности к российскому правительству и качествах каждого из них»⁷¹.

Жандармы также выполняли на Кавказе различные негласные поручения. В декабре 1842 г. начальник VI округа направил в Шемаху адъютанта, который должен был выявить связи местной знати с Шамилем⁷². Как и в прочих

⁶⁶ Такое же дополнительное ассигнование было предусмотрено тогда и для начальника IV (Виленского) округа.

⁶⁷ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 714, л. 104.

⁶⁸ Там же, д. 728.

⁶⁹ Там же, д. 714, л. 52–52 об.

⁷⁰ Там же, ф. 109, I экспедиция, оп. 17, д. 292, л. 70 и далее.

⁷¹ Там же, л. 194.

⁷² Там же, л. 30.

губерниях, штаб-офицеры составляли полугодовые отчёты о наблюдении за администрацией края. Об их содержании можно судить по яркой характеристике, данной в 1851 г. военному губернатору, управлявшему гражданской частью Тифлисской губернии генерал-лейтенанту кн. И.М. Андронникову: «Гражданская часть ему мало известна, не занимаясь ею никогда и не получив с юных лет ныне требуемого образования, он весьма слабо знаком с русским правописанием и с трудом подписывает только свою фамилию... Особенно туземцам своим по службе и делам покровительствует, он говорит откровенно: “Находясь ныне на таком месте, что я могу быть полезен родным и землякам своим, я готов сделать им, что могу, и помочь в делах их!”»⁷³. Из Шемахи докладывали, что служащий областного правления статский советник В. Ивков, «занимаясь отпиской у частных лиц, мало заботится о служебных обязанностях и неохотно принимается за дела, где не ожидает вознаграждения»⁷⁴. Если из внутренних губерний донесения штаб-офицеров поступали непосредственно в III отделение, минуя окружных начальников, то на Кавказе бумаги предварительно просматривались начальником округа, который и давал им дальнейший ход. Заслуживавшие внимания записки с Кавказа поступали от шефа жандармов к председателю учреждённого в 1833 г. Комитета об устройстве Закавказского края Чернышёву (сведения из других губерний Бенкендорф представлял на усмотрение министров или докладывал непосредственно Николаю I).

По инструкции 1826 г. штаб-офицерам запрещалось наводить справки в присутственных местах и давать поручения чиновникам. Отступление от этого правила порою приводило к конфликтам как во внутренних губерниях, так и на окраинах. В конце 1842 г. начальник Каспийской области полковник Н.Ф. Ашеберг обратился в III отделение с жалобой на жандармского подполковника Педяша и его адъютанта, которые, обращаясь с записками к служащим, мешали полиции расследовать связи жителей с мятежными горцами и создавали «в народе ложное понятие, будто бы им вверен какой-то высший надзор над всеми местными властями». «От жандармов происходит смутное положение в народе», — констатировал Ашеберг. Его поддержал Головин, незадолго до того переведённый с Кавказа и проживавший тогда в Петербурге. «Мне неизвестно, в какой степени подобные поступки подполковника Педяша сообразны с имеющимися у него инструкциями, — заявил генерал, — но вмешательство его в настоящее дело, с явной склонностью к стороне жалобщиков, парализовав действия местной полицейской власти и ослабив первоначальное влияние, произведённое внезапно принятыми мер, не может не иметь вредных последствий на дальнейший ход розысканий»⁷⁵.

На защиту Педяша встал полковник В.М. Викторов — преемник Скалона на посту начальника округа. «По понятию народа, — утверждал он, по сути, перефразируя письмо, полученное некогда его предшественником от Бенкендорфа, — издавна уже, действительно, офицеры Корпуса жандармов признаются в том крае за последнее местное средство доводить до сведения высшего начальства о притеснениях или несправедливости, если бы жалобы жителей о том местным властям оставались тщетными»⁷⁶. Педяш, со своей стороны, выставял Ашеберга человеком корыстолюбивым и грубым, открыто заявившим «собранию почётных

⁷³ Там же, оп. 19, д. 247, ч. 47, л. 7.

⁷⁴ РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 679, л. 4.

⁷⁵ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 17, д. 292, л. 27–28, 41.

⁷⁶ Там же, л. 38.

граждан» о том, «что Корпуса жандармов не страшится, и никто не смеет вмешиваться в дела его управления»⁷⁷. Вскоре после передачи этих сведений в Комитет об устройстве Закавказского края Ашеберг лишился своей должности.

Специфика края накладывала заметный отпечаток на заботы жандармов. Подавляющая часть поступавших от них донесений была посвящена не гражданскому управлению, а отдельным происшествиям и подробностям боевых действий против горцев. Многие жандармские офицеры, служившие на Кавказе, принимали участие в военных экспедициях.

В «Положении» о VI округе военное и гражданское начальство Закавказского края даже не упоминалось, однако его влияние оставалось весьма существенным. В первом же отношении Бенкендорф требовал от Скалона надзирать за действиями чиновников, не роняя авторитета властей: «Ваше превосходительство обязываетесь быть самым усердным и близким помощником г. главноуправляющему в Грузии (если, впрочем, он, со своей стороны, потребует Вашего содействия). Более всего должны Вы явить собою самый строгий пример подчинённости, и тем показать жителям Закавказья (так в тексте. — Г.Б.) необходимость безусловного повиновения к местным властям... Ваше превосходительство должны видеть, что главноуправляющий в Грузии более, нежели где-нибудь, должен быть облечён неограниченной властью и проистекающим от оной уважением, и, основывая на сих началах все Ваши действия, увлечь за собою дух народа, внушить ему доверенность к закавказскому начальству и убедить, что единственно от оной зависит их будущее благосостояние»⁷⁸. Данное предписание сообщалось для сведения и Головину.

Большинство жандармских донесений, посылавшихся в Петербург, также доставлялись в копии к главноуправляющему, который, со своей стороны, мог давать чинам округа, не исключая начальника, частные поручения. Областные начальники также привлекали жандармов к ведению следствий. В январе 1843 г. Бенкендорф даже просил главноуправляющего в Грузии не злоупотреблять подобными заданиями⁷⁹.

В ведении главного начальника края оставалась перлюстрация корреспонденции, проходившей через Тифлис. Уведомляя об этом главноуправляющего Почтовым департаментом кн. А.Н. Голицына, Бенкендорф в январе 1838 г. настаивал только на том, «чтобы конверты мои и из штаба Корпуса жандармов, отправляемые на Кавказ и в Закавказский край, равно конверты начальника и всех других чиновников 6-го округа вверенного мне корпуса, отправляемые ко мне, ни под каким видом *не были вскрываемы*»⁸⁰.

Однако переписку жандармов на Кавказе продолжали перлюстрировать. В начале 1840 г. Скалон был вызван в Петербург, где, вероятно, обсуждал и этот щекотливый вопрос. 26 марта 1840 г. Бенкендорф признал во всеподданнейшем докладе, что «с учреждением... 6 округа Корпуса жандармов, хотя и устранена прежняя совершенная безызвестность правительства о действиях местного начальства и о недостатках существующего порядка управления, но цель сего учреждения не достигнута ещё вполне». По словам шефа жандармов, его подчинённые, «будучи уверены, что чрез каждый невыгодный отзыв о настоящем порядке вещей... навлекут на себя нерасположение местных властей, скрывающих

⁷⁷ РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 181, л. 18.

⁷⁸ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 714, л. 52 об.—53.

⁷⁹ Там же, ф. 109, оп. 17, д. 292, л. 45.

⁸⁰ Там же, ф. 110, оп. 2, д. 714, л. 47 об.—48.

по таковому предварению все средства к узнанию истины в случае исследования, не решаются доверять откровенные свои донесения почте», результатом чего является «безгласность и безнаказанность противозаконных действий подчинённых главноуправляющему лиц». Поэтому предлагалось «освободить от влияния главноуправляющего перлюстрацию всей переписки, отправляемой в Санкт-Петербург, и вообще в Россию, оставя по-прежнему рассмотрение переписки из Грузии в турецкие и персидские владения»⁸¹. Тем не менее после обмена мнениями между Бенкендорфом, Голицыным, Чернышёвым и Головиным было достигнуто соглашение о том, что вся переписка жандармских чинов на Кавказе останется неприкосновенной, но главноуправляющий по-прежнему будет получать выписки из вскрытых писем, обязываясь «впредь доставляемые... пакеты с перлюстрацией распечатывать лично и принимать все необходимые меры для сохранения перлюстрации в строгой тайне»⁸². Только тогда из округа стали сообщать значимые сведения о деятельности грузинской администрации.

В апреле 1840 г. Николай I утвердил новое «Учреждение для управления Закавказским краем», подготовленное под руководством сенатора барона П.В. Гана. Оно вступало в силу с 1841 г. и предусматривало образование Грузино-Имеретинской губернии и Каспийской области с центрами в Тифлисе и Шемахе. Губернские и уездные учреждения, включая судебные палаты, формировались в них тем же порядком, что и во внутренних губерниях. На землях, населённых горскими народами, учреждались округа во главе с комендантами, Абхазия, Мегрелия и Сванетия оставались под управлением своих князей. В то же время в связи с удалённостью и «особенными обстоятельствами Закавказского края» главноуправляющий наделялся правами генерал-губернатора, мог отменять постановления губернских учреждений и приводить в исполнение свои распоряжения, ставя в известность Сенат и министерства⁸³. Высший контроль за ходом преобразований был возложен на переучреждённый в прежнем составе (с добавлением М.П. Позена), но с новой задачей Комитет об устройстве Закавказского края во главе с Чернышёвым⁸⁴.

В 1840 г., находясь в Петербурге, Скалон в ряде записок предупреждал о наличии оппозиции реформе среди генералитета и грузинского дворянства. Отмечал он и воздействие этой «партии» на Головина. «Отъезд сенатора барона Гана из Тифлиса, — писал Александр Антонович, — был сигналом восстания против проекта нового преобразования и против него самого. Кричали, что можно верить только сотой доле его изысканий; этот проект, говорили, стесняет власть главноуправляющего... Смешивая намерения враждебных горцев с мирными обитателями равнин, утверждали, что эти племена не могут быть управляемы законами и учреждениями империи»⁸⁵.

Со своей стороны, Скалон заявлял, что «весь состав закавказского управления живёт произволом и злоупотреблениями», а «народ угнетён и оклеветан»⁸⁶. Начальник жандармского округа связывал это с влиянием главноуправляющего и начальника корпусного штаба на назначение гражданских служащих.

⁸¹ Там же, ф. 109, оп. 221, д. 75, ч. 1, л. 95–102 об.

⁸² *Измозик В.С.* «Чёрные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М., 2015. С. 150.

⁸³ *Эсадзе С.С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. Тифлис, 1907. С. 71–77.

⁸⁴ ПСЗ-II. Т. 15. Отд. 1. СПб., 1841. № 13413; *Корф М.А.* Записки. М., 2003. С. 327.

⁸⁵ ГА РФ, ф. 109, 1 экспедиция, оп. 15, д. 81, л. 2 об.–3.

⁸⁶ Там же, л. 5.

В частности, он напоминал о том, как жандармами было инициировано расследование действий нухинского коменданта, елизаветпольского окружного начальника и управляющего сальянскими рыбными промыслами, а начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майор П.Е. Коцебу освободил чиновников от суда и назначил на новые должности с переводом в Ахалцих и Хунзах⁸⁷.

Скалон не сомневался в том, что власть главноуправляющего в делах гражданского управления необходимо ограничить надзорными полномочиями. «Если мы взглянем на неудобство разъединения властей военной и гражданской, — писал он, — то найдём, что они вполне устраняются, коль скоро высняя гражданская власть обязана будет удовлетворять всем требованиям военачальника, под собственною его ответственностью. Одна достоверность, что все сии требования доведены будут до сведения Государя, предупредит уже возврат настоящих злоупотреблений». К тому же «существование в Закавказье независимой гражданской власти подле военной доставит Государю и контроль большей или меньшей необходимости экспедиций, которые, по словам самих военных, предпринимаются иногда менее для выгод службы, чем из желания пожать лавры»⁸⁸. Впрочем, каких-либо последствий эти рассуждения не имели: записка Скалона была представлена Николаю I, который распорядился передать её Чернышёву.

В декабре 1840 г., перед открытием губернских присутственных мест, начальник VI округа вновь высказался за «совершенное отделение гражданской части от военной и в главном лице, как они разделены теперь и в других»⁸⁹. Основными противниками этой меры он считал Коцебу и обер-квартирмейстера генерал-майора А.И. Менде (Мендта), предсказывая, что благодаря им «новый гражданский порядок как быстро был введён, так же быстро может и расстроиться»⁹⁰.

В ноябре 1840 г. по поручению Головина Скалон посетил Эривань и Нахичевань для негласной проверки губернских присутственных мест, после чего представил в Петербург и Тифлис обстоятельную записку «О положении жителей Эриванского и Нахичеванского уездов и о мерах к восстановлению хозяйственного их быта». Упадок местного хозяйства объяснялся в ней недостатками прежней комендантской системы управления. «Что сказать о злоупотреблениях лиц местного управления? Они необъятны! — восклицал генерал-майор. — И чего было ожидать народу, какой надеяться защиты, когда старшины его назначались за деньги, когда окружные начальники покупали свои места, когда самые правители области с откупщиками и комиссионерами делили плоды кровавых трудов земледельца»⁹¹. Начальник Армянской области полковник Г.С. Сумбатов (Смбатян), по словам Скалона, «пользовался, говорят, всеми случаями и размерами для утоления жадного своего корыстолюбия... Он часто, с восторгом высыпая червонцы в таз, перебивает их с наслаждением в тёплой воде с мылом»⁹². Пособником Сумбатова являлся и бывший начальник Гекчинского округа Армянской области подполковник Асеев. По сведениям жандармов, серьёзные нарушения допускались при устройстве пострадавших от землетрясения кордонных постов, постройке провиантских магазинов и требовании подвод. Для приведения дел в относительный порядок Скалон рекомендовал сложить с жителей

⁸⁷ Там же, д. 258, л. 32–34.

⁸⁸ Там же, д. 81, л. 6, 7.

⁸⁹ Там же, д. 258, л. 37 об.

⁹⁰ Там же, л. 36.

⁹¹ Там же, л. 51 об.

⁹² РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 133, л. 100.

недоимки, накопившиеся до 1837 г., перевести натуральные подати в денежные, сократить наряды на усиление кордонной линии и вовсе отказаться от нарядов на постройку Дилижанской дороги, а также снабдить уездных начальников бланками заграничных паспортов для купцов⁹³.

Бенкендорф представил эту записку Николаю I, направившему её в Комитет об устройстве Закавказского края. Министр государственных имуществ П.Д. Киселёв прочитал донесение Скалона «с особенным вниманием» и просил Головина представить соображения о замене повинностей. Министр финансов Е.Ф. Канкрин поддержал отмену натуральных податей и предложил обсудить в Комитете сложение с жителей Армянской области недоимок до 1839 г.⁹⁴ В результате император потребовал от Головина принять «наконец деятельные меры к успокоению страны, столь долго бедствующей от безначалия и злоупотреблений властей»⁹⁵. По донесению Скалона было назначено формальное следствие, два чиновника командированы для проведения дознаний, срочно последовало уменьшение податей, сенатор Ган приступил к составлению проекта новой финансовой системы. Но в июле 1841 г. Скалон уведомил Бенкендорфа о том, что следствие по делу Сумбатова ведётся медленно из-за противодействия директора канцелярии главноуправляющего П.П. Тимофеева. Тогда Николай I потребовал, чтобы комиссия «непреренно открыла виновных, которые, в пример другим, должны подвергнуться всей строгости законов»⁹⁶. Сумбатов был отдан под суд, длившийся до 1845 г. и завершившийся оправданием.

В декабре 1840 г. Скалон представил особую записку о службе Эхсан-хана Нахичеванского, который во время Русско-персидской войны 1826–1828 гг. перешёл на русскую сторону и по ходатайству Паскевича был утверждён наибом Нахичеванского ханства в чине полковника с подчинением ему отдельного полка кенгерлинских всадников. В 1839 г. при подготовке административной реформы сенатор Ган предложил устранить Эхсан-хана от власти и упразднить кенгерлинский полк с переводом всадников в состав регулярных кордонных войск. Николай I запросил тогда отзывы Головина и Паскевича. Главноуправляющий констатировал, что Эхсан-хан, «пользуясь неограниченной доверенностью и уважением кянглерлинцев, составляет некоторую преграду всем новым распоряжениям правительства»⁹⁷. Однако, «боясь принять на себя ответственность за преждевременное введение перемен, которые, при всей их благовидности, легче указывать, чем приводить в исполнение», Головин не решался отстранить Эхсан-хана от власти⁹⁸. Паскевич, напротив, отозвался о нём с похвалой. По требованию Николая I, переданному через Головина, Эхсан-хан в 1839 г. отказался от звания наиба, став походным атаманом Кенгерлинского войска⁹⁹. 29 ноября 1840 г., оставив всех кенгерлинцев под властью Эхсан-хана, Головин предписал ему заведовать ими «не как подвластными, но как людьми свободными, обязанными службою только государю императору»¹⁰⁰. Как утверждал Скалон, в 1830-е гг. наиб и его брат Шейх-Али Бек «ханствовали там во всей силе слова к злополучию народа», в условиях же введения губернских учреждений сохранение за ним какой-либо

⁹³ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 15, д. 258, л. 59–61.

⁹⁴ РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 133, л. 60–61 об., 65–66 об.

⁹⁵ Там же, л. 51. См. также: АКАК. Т. IX. Тифлис, б.г. С. 152.

⁹⁶ АКАК. Т. IX. С. 158.

⁹⁷ РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 133, л. 54.

⁹⁸ Там же, л. 43.

⁹⁹ См.: *Нагдалиев Ф.* Ханы Нахичеванские в Российской Империи. М., 2006. С. 88–89.

¹⁰⁰ РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 133, л. 56.

власти «неминуемо послужит к совершенному несчастью самих кенгерлинцев, которые слишком много от него уже потерпели, и поведёт к столкновениям, возмущению и расстройству нового гражданского порядка»¹⁰¹.

30 января 1841 г. Николай I через Чернышёва объявил Головину: «Ваше высокопревосходительство предоставили генерал-майору Эскан-Хану слишком значительную над кянгерлинцами власть... Власть сия, по бывшим уже примерам, легко может обратиться в невыгодное для правительства влияние на умы этого воинственного племени». Император «в отвращение могущего последовать от сего зла» предлагал либо составить для Эхсан-хана специальную инструкцию, либо вызвать бывшего наиба в Петербург, где и решить его дальнейшую судьбу¹⁰². Оправдываясь, Головин ссылаясь на мнение Паскевича и немедленно отменил собственное предписание, сделанное 29 ноября. По его мнению, было бы желательно отправить Эхсан-хана в Петербург и уже не возвращать в Закавказье «как человека подозрительного поведения, алчного к корыстолюбию и при настоящем преобразовании края не только бесполезного, но крайне вредного»¹⁰³.

В марте 1841 г. Николай I пожаловал Эхсан-хану звание военно-походного начальника кенгерлинских всадников и вызвал в Петербург, поручив Головину озаботиться «приисканием возможности возвратить Эскан-хана в Закавказский край таким образом, чтобы влияние его на умы единомыслителей не могло быть вредно для видов правительства»¹⁰⁴. В сентябре Эхсан-хан прибыл в Петербург, где поступил под начало Бенкендорфа и ознакомился со службой Кавказско-горского полуэскадрона. Перед этим он побывал в Варшаве, оценил службу Конно-мусульманского полка и, пользуясь покровительством Паскевича, стал добиваться возвращения себе власти в Нахичевани. Однако Николай I оставил в его подчинении только 200 кенгерлинских всадников, а в январе 1843 г. даровал ему почётное звание военно-походного атамана всех закавказских мусульманских войск¹⁰⁵.

В первой половине 1841 г. Скалон направил в Петербург ещё ряд записок с резкими выпадами против Головина, попавшего, по мнению начальника округа, под вредное влияние Тимофеева, хотя «всё Закавказье знает его за отъявленного взяточника, за душу продажную на всяком шагу»¹⁰⁶. Скалон опасался, что директор канцелярии главноуправляющего займёт пост тифлисского гражданского губернатора, и просил Бенкендорфа не допустить этого назначения. Беспокоило Скалона и то, что Тимофеев покровительствовал подполковнику Е.Г. Арцруни, который при Паскевиче был интендантом Отдельного Кавказского корпуса, затем служил по ведомству Министерства финансов, а теперь добивался назначения начальником закавказского таможенного округа. Жандармский генерал не скупился на эпитеты: «Арцруни в общем мнении известен здесь за самого продувного армянина, хитрого и ловкого». Назначить его, заявлял Скалон, «всё равно что пустить козла в огород или приставить волка к стаду овец». «Ради Бога, употребите Ваши усилия, чтобы Арцруни не был назначен», – просил он Дубельта. И добавлял: «Тимофеев, как Вы видите, делает здесь чудеса»¹⁰⁷.

¹⁰¹ Там же, л. 102 об.–103.

¹⁰² Там же, л. 58–59 об.

¹⁰³ Там же, л. 71.

¹⁰⁴ Там же, л. 81.

¹⁰⁵ См.: *Нагдалиев Ф.* Указ. соч. С. 68–98.

¹⁰⁶ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 15, д. 258, л. 68 об.

¹⁰⁷ Там же, л. 88–90.

Разногласия между начальником VI округа и главноуправляющим резко проявились при рассмотрении событий в Горийском уезде Грузино-Имеретинской губернии, где главный осетинский пристав майор Васильев по приказу Головина силой подавил выступление жителей села Мздывы. Военно-полевой суд, открытый в декабре 1840 г., приговорил нескольких человек к смертной казни. Скалон счёл это чрезмерно жёстким: «Местные начальники, — сообщал он в Петербург, — в преследовании частных своих видов угнетают народ, встречая сопротивление, выставляют его непокорным правительству и ложными донесениями подвигают главное начальство к предприятию экспедиций»¹⁰⁸.

В ноябре—декабре 1840 г. в Кутаис и Гори для наблюдения за открытием губернских присутственных мест был направлен член Совета управления Закавказского края статский советник В.С. Легкобытов. Выявив целый ряд нарушений, он обратил внимание и на неправильные действия Васильева при учреждении военно-судной комиссии над осетинами. Назначенная Головиным повторная ревизия, проведённая полковником Главного штаба М.П. Вронченко и тифлисским жандармским штаб-офицером полковником В.М. Викторовым в феврале 1841 г. подтвердила мнение Легкобытова¹⁰⁹. «Подсудимые осетины, — рапортовал Виктор, — содержались в арестантской при горийской гауптвахте. С прошлого августа взято их было в разное время и за разные проступки 70 человек... Из них наказаны 7 человек, 25 — умерли, 8 — освобождены на поруки, а 30 человек находятся в таком изнеможении, что не в силах были бы вынести строгого наказания»¹¹⁰. Однако Головин не согласился с выводами ревизовавших и сообщил Чернышёву, что Легкобытов, «перейдя за пределы возложенного на него поручения, увлёкся предметом, роду службы его не принадлежавшим и несвойственным». В дознании Викторова и Вронченко главноуправляющий увидел «столько же односторонности и бездоказательности»¹¹¹.

Скалон подробно освещал в своих донесениях ход этого дела, ни мало не сочувствуя позиции Головина, который в конфиденциальном разговоре «тепло говорил об обвиняемых и с раздражением о Легкобытове и Вронченко, а о Викторове, будто того заставили подписать»¹¹². Начальнику округа стало известно, что Совет главного управления уже вынес решение о передаче дела Васильева в суд, но в канцелярии Головина «в духе супротивной партии» был подготовлен журнал о расследовании действий Вронченко и Викторова. «Вот до чего злобные советники успели довести генерала Головина, — негодовал генерал-майор, — чистые и благонамеренные действия редких слуг Государя... мнили подвергнуть исследованию наравне с злоупотреблениями обвиняемых»¹¹³.

В мае 1841 г. Головин по предписанию из Петербурга уволил Васильева, утвердил журнал Совета главного управления и учредил следственную комиссию под председательством командира резервной гренадерской бригады генерал-майора А.М. Симборского, не включив в её состав Вронченко и Викторова. «Партия и от этого будет в восторге, — с сожалением отметил Скалон, — следствия останутся в их руках, ибо кого назначить? Кто осмелится действовать, как

¹⁰⁸ Там же, л. 97.

¹⁰⁹ См. об этом донесение сенатора Гана: История Юго-Осетии в документах и материалах (1800—1864 гг.). Т. II. Сталинир, 1960. С. 447—448.

¹¹⁰ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 15, д. 258, л. 113—116.

¹¹¹ АКАК. Т. IX. С. 156—157.

¹¹² ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 15, д. 258, л. 67.

¹¹³ Там же, л. 68.

следует? Когда генерал Головин всякое сомнение о действиях его подчинённых принимает за личное для себя оскорбление»¹¹⁴. Следствие тянулось более двух лет и признало бывшего пристава виновным в том, что «ложные и преувеличенные донесения... о неповиновении осетин правительству были поводом снаряжения туда экспедиции и всех неприятных последствий оной»¹¹⁵. Но сам обвиняемый к тому времени скончался.

Между тем 20 апреля 1841 г. Головин распорядился, чтобы решения губернских и уездных судов Закавказского края по делам о грабежах и разбоях передавались прежде исполнения уездным начальникам, а затем на утверждение главноуправляющего. «Без моего разрешения, — категорически требовал главноуправляющий, — людей подобного рода не только из-под ареста не освобождать, но и на поруки не отдавать»¹¹⁶. Скалону казалось, что «по отношению к праву вообще это распоряжение есть верх несправедливости, противно всем началам правосудия, противно цели государственной, противно прямому смыслу и разуму российских законов»¹¹⁷. Он и тут усматривал влияние «сопротивной партии». Та, по его словам, «видимо устремлена против преобразования, чтобы показать как оно рановременно и не свойственно для здешних жителей, которые нравами, свойствами, закоснелым невежеством и неблагонамеренностью своею возбуждают даже необходимость приговоры по уголовным делам касательно невинных и подозрительных одобрять или изменять произволом полицейской власти»¹¹⁸.

Скалон вновь убеждал шефа жандармов в том, что «сочетание звания корпусного командира со званием главноуправляющего есть столь же сильное обольщение, сколько и тяжкое бремя для одного человека. Лицо, сочетающее сии звания, естественно обращает своё внимание на то, что ему более знакомо и чем он, следовательно, охотнее занимается, на войну. Войско и край терпят от этого. Это доказывает нам сорокалетний опыт владычества нашего за Кавказом и положение, в котором край перешёл к новому гражданскому устройству»¹¹⁹. Обращаясь к одному из прославленных участников наполеоновских войн, занимающему видный административный пост, Александр Антонович утверждал: «История представляет нам знаменитых генералов, которые вместе с тем были и славными правителями, которые устроили области с тою же быстротой, как покоряли их, и управляли, ведя войну. Но примеры эти весьма редки»¹²⁰.

Бенкендорф передал записку Чернышёву, который приказал сохранить её копию в тайне при делах Комитета и «сам изволил писать к генералу Головину». Николай I повелел оставить её «без дальнейшего исполнения»¹²¹, видимо, не желая обострения служебного противостояния. В июне 1841 г. Скалон был назначен грузино-имеретинским гражданским губернатором и оказался в подчинении у Головина. «Назначение Вас грузинским гражданским губернатором есть собственный выбор государя императора.., — уведомил его Бенкендорф. — Здесь более нежели где-нибудь Ваше превосходительство будете иметь возможность обнаружить Ваши способности и справедливость Ваших суждений, которые Вы передавали мне во время служения Вашего под моим начальством, и уверен...

¹¹⁴ Там же, л. 70.

¹¹⁵ АКАК. Т. IX. С. 747–748.

¹¹⁶ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 15, д. 258, л. 125.

¹¹⁷ Там же, л. 127–128.

¹¹⁸ Там же, л. 135.

¹¹⁹ Там же, л. 138 об.—139.

¹²⁰ Там же, л. 138.

¹²¹ РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 153, л. 1.

что, изучив все нужды, нравы и обычаи жителей вверяемого Вам края, Вы положите гражданскому управлению самое прочное начало, от которого всё будет зависеть»¹²². Шеф жандармов, по-видимому, рассчитывал, что Скалон и впредь будет сообщать ему о положении дел на Кавказе. Во всяком случае, он заявлял: «Признательный к тому усердию, которое Ваше превосходительство всегда являли, служа вместе со мною, я уверен, что буду и ныне получать от Вас донесения самые беспристрастные и что таковым действием Вы докажете, как государь император не ошибся в своём выборе»¹²³. Скалон обещал «направить управление к указанной цели, не взирая на глубокую испорченность личного состава управления губернии и гнездящийся здесь злой сопротивный дух всему благому, который неминуемо уготовит мне многие столкновения». «Вашему сиятельству, — напоминал он Бенкендорфу, — слишком хорошо уже известно, что управление здесь стремилось к господству и личным выгодам, а не к цели государственной»¹²⁴. В новой должности Скалон прослужил два года.

Тем временем в 1842 г. начался новый этап реформы управления Закавказским краем. Волнения в Гурии летом 1841 г. и военные неудачи в борьбе с горцами побудили Николая I весной 1842 г. направить в край ревизию во главе с Чернышёвым и Позеном. «Заменяя поездкой Вашей собственное моё посещение, — говорилось в царском рескрипте Чернышёву, — я убеждён, что Вы, вполне постигая виды мои, оправдаете мои ожидания с тем усердием и прозорливостью, с коими Вы исполняли уже столько важных поручений»¹²⁵. В августе Чернышёв и Позен представили императору записку «Об основаниях вновь предполагаемого порядка управления гражданской частью в Закавказском крае», которая легла в основу дальнейших преобразований. Административная реформа 1840 г. была скорректирована: отдельные местности вновь подчинялись военному управлению.

В Собственной е.и.в. канцелярии учреждалось VI отделение во главе с Позеном, которому предписывалось разрабатывать законопроекты, касающиеся Кавказа, под непосредственным надзором монарха, а также собирать «подробные и верные сведения о состоянии края, о личном составе управления»¹²⁶. «Для предварительного рассмотрения и соображения всех вообще дел по управлению краем, подлежащих рассмотрению верховной власти», в Петербурге был образован новый Комитет по делам Закавказского края¹²⁷. Его председателем вновь стал военный министр, а членами — министры финансов, государственных имуществ, внутренних дел и юстиции, председатель Департамента законов Государственного совета, управляющий VI отделением Собственной е.и.в. канцелярии, наследник цесаревич вел. кн. Александр Николаевич и Бенкендорф. В ноябре 1842 г., когда Комитет запросил отзыв шефа жандармов на проект «инструкции о преобразовании Закавказского края», Александр Христофорович высказался в полном соответствии с рекомендациями Скалона: «Я полагал бы весьма полезным... предоставить главному начальнику гражданской части непосредственное

¹²² ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 15, д. 258, л. 121–121 об.

¹²³ Там же, л. 122 об.

¹²⁴ Там же, л. 142.

¹²⁵ Цит. по: Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012. С. 52.

¹²⁶ Мальцев В.Н. Формирование центральных органов управления Кавказом: VI временное отделение и комитет по делам Закавказского края (1842–1845 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. I. 2007. № 1. С. 55.

¹²⁷ Там же. С. 57.

начальствование над всеми провинциями Закавказского края, на тех правах и ответственности, под руководством которых генерал-губернаторы управляют подведомственными им губерниями. Таким образом, главный начальник гражданской части, состоя впрочем во всегдашней и непосредственной зависимости главноуправляющего..., поставлен будет в возможность разрешать окончательно, без рассмотрения главноуправляющего, многие распорядительные и уголовные дела..., а главноуправляющий, устранённый, таким образом, от разбирательства означенных гражданских дел, будет иметь более возможности и времени усилить свою деятельность на дела военные, политические, коммерческие и вообще на все улучшения тамошнего обширного края»¹²⁸. В дальнейшем, как следует из делопроизводственной переписки, Бенкендорф оставался членом комитета, но «не присутствовал в оном»¹²⁹.

Чернышёв и Позен, докладывая об итогах ревизии, в числе прочего предложили «дать иное устройство управлению Корпуса жандармов в Закавказском крае». «В настоящем порядке, — отмечали они, — влияние жандармского управления ограничивается приватными разведываниями о ходе дел и донесениями о замечаемых беспорядках главноуправляющему, большею частью, словесно; а шефу жандармов письменно. Порядок сей представляет крайние неудобства: приватные разведывания доставляют часто самые неверные сведения; притом же, по характеру жителей, служат к поощрению ропота и жалоб; а словесными же докладами главноуправляющему и письменными донесениями шефу жандармов беспорядки нисколько не отвращаются. Посему представляется необходимым присвоить начальнику округа по делам полиции исполнительной права генерал-полицейстера, предоставив ему: а) по делам полицейским требовать от всех лиц и мест полицейского управления все необходимые сведения; б) исправлять на месте замеченные по делам беспорядки; в) в важнейших случаях представлять письменно главному местному начальству о принятии мер понуждения и исправления. Затем определить подробно инструкцией, в каких именно случаях управление жандармского округа действует чрез местное начальство и в каких представляет шефу жандармов, под начальством которого оно должно оставаться по-прежнему»¹³⁰. Таким образом, Чернышёв и Позен предлагали подчинить начальнику VI округа городскую и земскую полицию, а также законодательно упорядочить его отношения к главноуправляющему в Грузии. Николай I повелел «исполнить», и 4 октября 1842 г. Позен уведомил Бенкендорфа: «Прежде приступа к составлению сей инструкции я обращаюсь к Вашему сиятельству с покорнейшей просьбой почтить меня сообщением всех тех соображений, какие Вы... изволите признать нужным иметь в виду при составлении означенной инструкции»¹³¹.

Эта инициатива противоречила тем установкам, которые лежали в основе организации жандармского корпуса. Решительно возражая против подчинения жандармам земской полиции, Бенкендорф настаивал: «Ежели подобные права будут предоставлены чиновникам вверенного мне корпуса, то они неминуемо составят собою часть управляющей Закавказским краем власти, и таким образом, даже при самой величайшей благонамеренности, будут в иных случаях затмевать истину, дабы не подвергнуться ответственности за неисправности или

¹²⁸ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 714, л. 106–106 об.

¹²⁹ РГИА, ф. 1268, оп. 19, д. 33, л. 2.

¹³⁰ Там же, оп. 1, д. 331, л. 1–2 об.

¹³¹ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 6, д. 395, л. 78.

беспорядки, которые они прекратить имели право и возможность, тогда как доселе существующий порядок имеет то преимущество, что окружной начальник Корпуса жандармов и штаб-офицеры его округа, не будучи причастны ни к каким местным распоряжениям, не опасаются извещать высшее правительство как о добре, так и о зле, происходящем в Закавказском крае»¹³².

Николай I решил «определение особых отношений жандармского управления Закавказьем к главному и местному там начальствам отложить до окончательного утверждения всех прочих предположений по устройству гражданской части в Закавказском крае», а Бенкендорфу велел подготовить к тому времени проект новой инструкции¹³³. Но Позен упорно добивался перемен в устройстве жандармского надзора в Закавказском крае. В январе 1843 г. Комитет по делам Закавказского края постановил принять «на будущее время неперменным правилом, чтобы все случаи, до сведения Корпуса жандармов доходящие, представлялись местным окружным начальником главноуправляющему Закавказским краем и сообщались шефом жандармов, по принадлежности, министерствам, от непосредственного усмотрения коих и будет уже зависеть представление оных... на рассмотрение комитета»¹³⁴. Николай I утвердил это решение, которое было передано министрам. С тех пор начальник округа был обязан сообщать всю имеющуюся у него информацию как шефу жандармов, так и главноуправляющему.

В ведомство высшей полиции ежегодно поступало несколько тысяч жалоб и прошений, которые докладывались императору или передавались в соответствующие ведомства, включая Комитет по делам Закавказского края. В мае 1843 г. Позен добился того, чтобы Бенкендорф не передавал в Комитет частные жалобы и просьбы без ведома тифлисской администрации. «Нет возможности судить, — писал Позен во всеподданнейшем докладе, — в какой мере присланная к шефу жандармов жалоба справедлива. Из ней также не видно, жаловались ли жители областному и главному начальствам. По мнению моему, необходимо принять какие-либо меры, дабы жители по всем подобного рода просьбам и жалобам всегда обращались к местному начальству и мимо оно не обременяли бы высшего правительства в С.-Петербурге, которое всегда будет в затруднении дать какой-либо ход подобного рода просьбам»¹³⁵. Данное предложение Позена также было одобрено императором.

В июне 1841 г. исправляющим должность начальника VI округа Николай I утвердил полковника В.М. Викторова, который начал службу ещё в 1805 г., участвовал в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах, но в 1819 г. вышел в отставку и только в 1835 г. поступил в Корпус жандармов. С 1838 г. он служил тифлиским губернским штаб-офицером, неоднократно присоединялся к военным экспедициям и заслужил репутацию храброго офицера¹³⁶. В 1845 г. Виктор Михайлович погиб в Даргинском походе.

В административных делах новый начальник округа разбирался хуже своего предшественника. В марте 1843 г. Позен тщетно спрашивал у Дубельта:

¹³² Там же, л. 80 об.—82 об.

¹³³ Там же, л. 84—84 об.

¹³⁴ РГИА, ф. 733, оп. 82, д. 103, л. 1—1 об.

¹³⁵ Там же, ф. 1268, оп. 1, д. 442, л. 3 об.

¹³⁶ В 1840 г. Викторов состоял при командующем войсками на Кавказской линии и в Черноморской области генерал-адъютанте П.Х. Граббе в экспедиции в Большую и Малую Чечню, в апреле 1841 г. отправился «в Темир-Хан-Шуру к отряду войск, назначенных для действия в Северном Дагестане, под личным начальством генерала от инфантерии Головина» (Алексеев Д.А. Указ. соч. С. 120).

«Не напишет ли чего-нибудь Викторов о гражданском управлении?»¹³⁷. Основную проблему полковник видел в нехватке подготовленных и добросовестных гражданских служащих. По его словам, «существенная причина настоящей судьбы Закавказья: прекрасные уставы в буквах не могут достичь благотворной цели своей, попавшись в руки безнравственных исполнителей, которой (так в тексте. — *Г.Б.*) многочисленность и связи на всех степенях подчинённости мест и лиц естественно вытесняют и тех немногих нравственных и достойных чиновников, которые служат им и помехою, и как бы укором»¹³⁸.

Надеяться на улучшение ситуации можно было только после замены скомпрометировавших себя лиц. «Недавно избавились мы от Тимофеева, который свояка своего Ашеберга поместил правителем Каспийской области, — сообщал Викторов в Петербург в сентябре 1842 г., — а прочих родственников по разным значительным отраслям управления, что князем Александром Ивановичем [Чернышёвым] признано неприличным... Если преемник Евгения Александровича [Головина] не привезёт с собой директора и не найдёт хотя на некоторые главные правительственные здесь места достойных людей, то неминуемо повторится ошибка настоящего главноуправляющего, со всеми её последствиями злоупотребления»¹³⁹. Но уже в мае 1843 г. Викторов констатировал, что личный состав присутственных мест остался прежним, а генерал-адъютант А.И. Нейдгардт, в ноябре 1842 г. назначенный главноуправляющим в Грузии, стремится управлять, опираясь на нескольких ближайших помощников и адъютантов. «Корысть — это общая связь чиновников, — сетовал полковник, — и его (Нейдгардта. — *Г.Б.*) затрудняет выбором из них не только кому с надеждою на лучшее доверить управление какой-либо части, но даже кому поручить исследование злоупотреблений с убеждением, что оно будет открыто»¹⁴⁰.

Тогда же Викторов направил в Петербург две записки о волнениях в Осетии, виновником которых был, по его мнению, осетинский окружной начальник поручик Смиттен: «Поскольку внешних подстрекателей к возмущению в Осетии не было, то полагать скорее можно, причиною его было неблагоприятное или неосторожное обращение местных с жителями начальников». Позен согласился с доводами жандармов, и вскоре Смиттена перевели на другое место службы¹⁴¹. Однако в дальнейшем Викторов почти не позволял себе прямой критики местных властей. 12 июля 1843 г. он конфиденциально известил Дубельта, что Нейдгардт отказывается принимать его и читать жандармские записки. «Характер Александра Ивановича [Нейдгардта] вспыльчивый, недоступный, — писал Викторов, — он первым приёмом не только заставит держать руки по швам, но и душу в струнку вытянет; а видимо, что он неохотно слушает мои доклады. Полковнику главноуправляющий страшное дело!.. Я не жалею, Бога ради, нет, но жду полезного совета». Письмо попало к Николаю I, который, «отдавая полную справедливость усердию и ревности сего штаб-офицера», просил его «не взирая ни на какие знаки наружного равнодушия и холодности к нему главноуправляющего... с прежнею

¹³⁷ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 17, д. 292, л. 49.

¹³⁸ Там же, л. 59.

¹³⁹ РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 47, л. 2–2 об.

¹⁴⁰ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 17, д. 292, л. 58.

¹⁴¹ Там же, л. 53–60 об. См. также: *Сивков К.* Эпизоды из истории колониального ограбления Кавказа (XIX век) // *Борьба классов.* 1936. № 8. С. 24–35.

откровенностью сообщать сюда всё то, что, по мнению его, будет заслуживать особого внимания»¹⁴².

Весной 1844 г. Викторов был вызван в Петербург, где сообщил, что «производство дел по судебным инстанциям, апелляционные сроки и другие правила, извлечённые из быта благоустроенных обществ, чрезвычайно стеснительны и даже неисполнимы для племён диких и полудиких, для которых в большей части случаев достаточна одна административная расправа»¹⁴³. Чернышёв рекомендовал тогда начальнику жандармского округа, «чтобы он старался быть сколь можно осторожнее в отношениях своих к генерал-адъютанту Нейдгардту»¹⁴⁴.

В сентябре 1844 г. шефом жандармов стал гр. А.Ф. Орлов, быстро установивший доверительные отношения с Позеном¹⁴⁵. Но с назначением в конце 1844 г. кавказским наместником гр. М.С. Воронцова и последовавшим вскоре упразднением VI отделения Собственной е.и.в. канцелярии правительственная политика в регионе приобрела новые очертания.

В целом, становление жандармских учреждений на Кавказе протекало в 1827–1844 гг. непоследовательно и противоречиво. В Петербурге остро нуждались в точной и нелицеприятной информации о положении дел в регионе и состоянии местной администрации, но в то же время осознавали необходимость на далёкой окраине сильной и авторитетной власти, что заставляло демонстрировать полное доверие по крайней мере к высшим должностным лицам края, которые, естественно, покрывали и прикрывали своих помощников и их протезе. Это изначальное противоречие приводило к конфликтам, острота которых во многом зависела от личных качеств, амбиций, служебного положения и опыта как главноуправляющих в Грузии, так и жандармских офицеров. Если в конце 1820-х – середине 1830-х гг. жандармы и секретная полиция находились, по сути, в тени кавказского начальства, то во второй половине 1830-х гг., с созданием VI жандармского округа, они получили значительную самостоятельность и существенно расширили и активизировали свою деятельность (впрочем, даже в этот период никаких мер в отношении служащих без ведома главноуправляющего не предпринималось). При этом, в точном соответствии с инструкциями, полученными от гр. А.Х. Бенкендорфа, они не только наблюдали за проводившимися преобразованиями и следили за обеспечением безопасности империи, но и пытались выступать в качестве защитников населения от притеснений со стороны местных чиновников и знати. Вместе с тем человеческие, финансовые и институциональные ресурсы империи на Кавказе в 1820–1840-е гг. были крайне ограничены, поэтому неудивительно, что уже в начале 1840-х гг. при заметной поддержке из Петербурга (прежде всего со стороны кн. А.И. Чернышёва и М.П. Позена) наметилась тенденция к подчинению жандармов власти главноуправляющего. В полной мере она проявилась уже после создания наместничества и начала «воронцовского» времени на Кавказе.

---

¹⁴² ГА РФ, ф. 109, оп. 17, д. 292, л. 64–64 об, 68.

¹⁴³ «Россия под надзором»: отчёты III отделения. 1827–1869 гг. М., 2006. С. 357.

¹⁴⁴ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 17, д. 292, л. 209.

¹⁴⁵ См.: РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 654.